

УДК 94(47)"1914/1918"

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ТАТАРСКИХ СОЛДАТ

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

В статье представлена повседневная жизнь татарских солдат в годы Первой мировой войны. Исследование было проведено на базе широкого круга источников: солдатских писем, фольклора, художественной литературы и публицистики, делопроизводственной документации. Рассмотрены бытовые условия, ментальные установки солдат, взаимоотношения в малом коллективе.

Ключевые слова: Первая мировая война, военно-историческая антропология, татары, мусульмане, Казанская губерния, Оренбургская губерния, история повседневности, солдатские письма, татарский фольклор, татарская литература

История Первой мировой войны, как в исторической памяти народа, так и в отечественной историографии долгое время занимала, пожалуй, одно из периферийных мест. 100-летие со дня начала Первой мировой войны и связанные с ним мероприятия дали новый импульс изучению истории этого эпохального события. За любой войной, за успехами и поражениями военачальников обычно стоит трагедия маленького человека. Война в «человеческом измерении» – это не только победы, но и страх, боль, и в своем естественном желании самосохранения человек не всегда поступает как герой.

Изучение повседневного мира простых людей, их отношения к войне и эмоционального состояния – одна из сложнейших задач. Прежде всего, из-за скудности документальных свидетельств об этом. При реконструкции войны «из окопов» глазами самих солдат, одним из основных источников служат фронтовые письма. Часть этих документов сохранилась в архивных фондах, ряд материалов опубликован [34; 30; 12]. Во время Первой мировой войны работала военная цензура, поэтому вторичным документом являются сохранившиеся обзоры солдатских писем. Практически в каждой губернии работали и цензоры, владеющие татарским языком. Например, они имелись в Казанской, Уфимской, Оренбургской, Симбирской, Астраханской губерниях. Их аналитические работы отправлялись в штаб Казанского военного округа. В некоторых случаях, из-за невозможности читать письма солдат-татар военными цензорами, военнослужащим запрещали писать на родном языке. Так, в 1914 г. такой указ

появился относительно крымских татар. При этом, согласно указу крымского губернатора, запретили писать на родном языке не только солдатам-татарам, но и евреям и латышам [16].

«Прекрасно зная о цензуре, солдаты, конечно, в письмах не откровенничали», – отмечал историк М.Н. Покровский [23, с.213]. Письма с фронта часто приходили с цензорскими поправками. В первую очередь, они зачеркивали те фрагменты, где речь шла о местонахождении солдата, и исправляли эту информацию на «действующую армию». Также убирали нелицеприятные выражения в адрес вышестоящей власти, высказывания, способствующие межнациональной, межконфессиональной розни. Например, многими авторами отмечалось, что татарские солдаты нередко писали, что они находятся «в руках гяуров», т. е. неверных, и воюют не за свои идеалы [3, с.97–98].

Солдаты-мусульмане по-разному пытались обойти цензоров и в своих письмах излагали некоторые мысли и особыми знаками, и цифрами. Писали арабскими буквами не справа налево, как обычно, а наоборот, слева направо. Такие письма родственники должны были читать через зеркало. Были и те, кто вместо арабских букв писал татарский текст латинскими буквами. Иногда цензоры не могли дешифровать записи и ограничивались тем, что сомнительные места зачеркивались. В общем, люди самыми разными способами старались максимально оградить свою частную жизнь и все же донести собственные мысли до близких. «Неужели письма не доходят, ведь я и писал-то самую пустяковину. А ведь как хочется с кем-нибудь поделиться переживаемым, здесь не с кем», – писал солдат М.Якупов своим родным в Челябинск 15 января 1915 г. [34, с.188].

Помимо писем, еще одним видом источников являются байты, сочиненные в годы войны. Байты составляют важную часть татарского фольклорного наследия. Кроме социальных и семейно-бытовых тем, в них также фигурируют исторические события. Создавались они как устно, так и письменно. Чаще всего повествование велось от первого лица. В них отражены эмоции человека, его переживания и страхи, бытовые трудности и другие чувства. В байтах преобладало трагическое восприятие мира.

Наибольшее количество сохранившихся военно-исторических байтов относится к Первой мировой войне. Объясняется это и масштабностью данной войны, так как мало кто (особенно люди из простых семей) остался в стороне от трагических событий 1914–1918 гг., и тем, что многие солдаты в свои письма к родным включали и такого рода поэтические произведения. Байты стали настолько популярным жанром народного творчества, что в татарских издательствах выпускались небольшие книжки с песнями (байтами) о войне. За 1914–1916 гг. вышло в разных издательствах Уфы и Казани пять таких брошюр. Три из них переиздавались и во второй раз. Авторами являлись солдаты, произведения для публикации извлекались из их писем. Так, самое первое издание «Книга песен о событиях войны» («Сугыш хэллэре намында жырлар китабы») появилось в продаже уже в

октябре 1914 г., оно было опубликовано в казанской типографии «Миллят» тиражом в 3 тыс. экземпляров. Тираж второго издания (декабрь 1914 г.) уже насчитывал 6 тыс. экземпляров, вероятно, спрос на книгу был высоким. В том же декабре 1914 г. в другой казанской типографии «Умид» вышла книга «Баиты современной войны» («Хэзерге сугыш бәете») пятидесяти тысячным тиражом [17].

Военные цензоры отмечали, что баиты, как правило, составлены в «слезливом тоне», описывают «лишения и ужасы войны», а авторы не надеются «вернуться с войны живыми». Из-за этого они считали, что подобные издания могут негативным образом повлиять на «настроения массы татарского населения». Однако «с точки зрения уголовных законов, относящихся к делам о печати, в содержании их не представляется чего-либо преступного», поэтому цензоры никак не могли запретить издание татарских баитов [18, л.193 об].

Кроме народных форм творчества, солдаты пробовали свои силы в прозе и поэзии. Так, рядовыми на фронтах Первой мировой войны служили татарские писатели Нажип Думави (1883–1933), Фарит Ибрагимов (1893–1943), Файзи Валиев (1892–1941), Мухамед Гали (1893–1952). Это далеко не полный список талантливых молодых людей, призванных в действующую армию. Наиболее известным стихотворением Нажипа Думави военного времени стало стихотворение «Сугыш тээссорате» («Впечатления войны»), опубликованное в журнале «Аң» («Сознание») в 1916 г. Сын муллы, уроженец Чистопольского уезда Казанской губернии, Нажип Тахтамышев (Думави) не участвовал в боевых действиях, он служил на Западном фронте в качестве писаря, но ужасы войны оставили неизгладимый след в его сердце, и единственным выходом в этой невыносимой обстановке для него, очевидно, стал «уход» в творчество. Писал стихи и Фарит Ибрагимов. Его произведения «На позиции», «Удивление», «Мучения», «Звуки гармонии» были опубликованы в татарских газетах и журналах тех лет. Получив ранения, уже к 1917 г. Ф.Ибрагимов вернулся на родину – в Лаишевский уезд Казанской губернии [38].

Если Фарит Ибрагимов работал учителем уже после революции, то писатель Файзи Валиев был вынужден оставить педагогическую деятельность из-за военной мобилизации. Этот момент он отразил в автобиографическом рассказе «Ирхан учитель» (1915). Тяжелой солдатской доле посвящены его фронтовые рассказы «Намаз» («Молитва»), «Жырлылар» («Поют») [4, с.235].

В феврале 1916 г. мобилизовали рядовым и сына сельского муллы Мухамеда Гали. Он участвовал в боях в Австрии и Румынии, испытал все тяготы окопной жизни. Впечатления военного периода жизни писателя нашли отражение в его рассказе «Разведчиклар» («Разведчики») [4, с.239].

И письма солдат-татар, и народные баиты, и авторские художественные произведения повествуют об известных явлениях: о тяжелых солдатских буднях, о плохом питании и недосыпе, о холоде и грязи. Конечно, эти

бытовые условия были характерны для всей российской армии. «Өчәр көнләп позициягә ашарга килми иде, / Ачлык үтә йөрәгемә, һич беркем белми иде» (На позициях не бывало еды по три дня, никто не знал о том, как я страдаю от голода), – жалобы на отсутствие еды встречаются в каждом баите [39, с.78]. «Биек тауның башында окоп казып яттык без, / Ике сажин жир астында уника ай яттык без» (На высокой горе рыли мы окопы, / на двух саженьях земли лежали мы все двенадцать месяцев) [39, с.80]. Об этом же писали солдаты и в письмах родным. Например, «пока было тепло, мирились, набивая брюхо, где зеленью, где картошкой, сеянной здесь в изобилии. Теперь ничего этого нет», – отмечал русский солдат из Галиции родным в Самару [15, л.88]. «Житье у нас здесь очень плохое: дают 2 фунта хлеба, да и тех не берет нож. Едим вонючую рыбу да гнилую капусту», – это уже писал с фронта солдат-татарин казанцу Губайдулле Сайфуллину в 1916 г. [30, с.181]. «Гнилой капустой», вероятно, он называл квашенную капусту, которую использовали для приготовления солдатских щей [2, с.103].

Таким образом, жалобы родным солдат всех возрастов, религий и наций были очень схожи. На протяжении всей войны в солдатских письмах постоянно присутствовали жалобы на недостатки в пище, на нехватку табака, теплых вещей и обуви. Однако военная повседневность в восприятии солдата-татарина в некоторых моментах оказывалась немного другой. Это восприятие диктовалось как раз его этноконфессиональными особенностями. Например, помимо нехватки еды, для татар-мусульман был непривычным и сам состав армейской кухни. После преимущественно мясомолочной и мучной еды они с трудом привыкали к овощам, и, особенно, к капусте. «Солдат булгач, нихэл итим, кэбеста ашый башладык» (Что делать, раз стал солдатом, теперь каждый день едим капусту...), – так комментировали они свой новый быт [39, с.86]. Татары, как известно, в дореволюционный период не рассматривали овощи как серьезную еду, они служили для них лишь дополнением к основной пище. Кроме того, для солдат-мусульман имело значение и то, какое мясо им подавали. Например, по замечанию военного цензора по Казани Н.Ф. Катанова, в некоторых татарских письмах среди жалоб на недостаток пищи были и те, где говорилось, что приходится есть свинину [19, л.9 об]. Неслучайно и во время съезда солдат-мусульман в Москве зимой 1917 г. одним из поставленных вопросов был «свинины не кушать» [36]. Хотя по утверждению некоторых историков, в российской армии в начале XX в. солдат кормили только говядиной [2, с.101].

Впрочем, и на войне были разные периоды. И настроения, и оценки военно-полевой кухни в солдатских письмах встречались самые разнообразные, в зависимости от обстоятельств. «Кормят нас очень хорошо, два раза дают горячей пищи, один раз каша, 3 фунта мяса, 3 фунта хлеба. Нас так и в Казани не кормили. Так нас начали кормить после нашей победы на австрийской границе. Чай, сахар – тоже вдоволь дают», – писал родственникам

в д. Большая Нурма Казанского уезда в 1916 г. Мухамедвалеи Абдрахманов из Запасного Сибирского полка [30, с.181–182]. В целом, снабжение армии продовольствием в годы Первой мировой войны не отличалось стабильностью. «Мясные» дни сменялись полуголодным существованием на одних сухарях и воде, особенно если солдат был на позиции.

Помимо собственного пропитания и обогрева, солдаты еще должны были заботиться о своих лошадях. Общеизвестно особое отношение татар к этим животным. Вероятно, это было продиктовано их давними кочевыми традициями. В большинстве баитов военнослужащие жалеют несчастных животных, которые также мерзнут и голодают, глохнут от постоянной стрельбы. «Мөлдәрәп ага яшьләр күзеннән, / Кызганам аларны бигрәк үземнән. / Без ашаганда алар кешниләр, / Ашарга сорап шинель тешлиләр» (Текут слезы ручьем из их глаз, / жалею их больше себя. / Когда мы едим, они подают голос, / Просят еды и жуют шинель), – вот лишь некоторые фрагменты [39, с.94]. «У меня лошадь была молодая, теперь ей 12-й месяц. С начала вступления в войну все одна эта лошадь, рыжая, с белым пятном на лбу, очень крупная лошадь, теперь у нее испортилась нога; сильно скакать не может. Взводный говорит: «Нигматжан! Эту твою лошадь надо сменить! Но мне ее жалко, так как она вступала в очень много битв, со мной она – хорошая лошадь», – подробно описывал свою лошадь в письме от 25 июня 1915 г. один из татарских солдат, выходец из Атнинской волости Казанского уезда [19, л.79].

Один из частых сюжетов в баитах – это религиозный вопрос. Когда человек напрямую сталкивается с опасностью, и каждый день видит смерть, неизбежно задумывается о Боге, о потустороннем мире. Солдат-мусульман волновало то, как поступят с их телами после смерти. И хотя историки советского времени писали о том, что «дело вовсе не в том, как пытались изображать это сидящие в тылу мусульманские политики, что татарский солдат был особенно верующим и непременно хотел умирать с муллой, а в этом факте он видел привилегированное положение для русского солдата, и свое национальное бесправие...» [3, с.98], на самом деле повышенная суеверность солдат, отсюда и их религиозность, давно признается как военными психологами, так и специалистами по военно-исторической антропологии [29, с.180]. Конечно же, и солдаты-мусульмане не были исключением. «В письмах авторы-татары просили прислать «молитвы на разные случаи жизни», ссылаясь на то, что подобных молитв у русских много, – отмечал в своем отчете казанский военный цензор 5 августа 1915 г. В одном из писем приводилась «русская молитва против войны»:

На приеме за дверями
Стоит ящик с жеребьями.
Жеребья – бумажки белы,
Доставать – трясется тело.
Ты, приемщик – толстый, гладкий,
Не оставь жену-солдатку [19, л.86].

Вероятно, в ответ на такие просьбы родственники отправляли в действующую армию молитвы из Корана, которые содержали самую известную религиозную формулу на арабском языке: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Божий. Нет мощи и силы нигде, как только у Бога Вышнего, Великого». Они содержались в нескольких письмах, отправленных из Казани осенью 1915 г. Для того чтобы уберечь себя от пуль, их советовали класть в пазуху сбоку [19, л.97 об]. Некоторые призывники-мусульмане, уже собираясь в дорогу, брали с собой амулеты, подготовленные родными [7, с.114]. «Если Бог нас избавит от настоящего положения, и мы вернемся благополучно домой, то всю жизнь молился бы Богу», – писал в 1917 г. солдат 527-го Беньбенского полка А. Хамидуллин в письме к родственникам в станицу Гирьяльскую Оренбургской губернии [20, л.76].

Религиозный страх нашел свое отражение в народных баитах, и, конечно же, в этих песнях вряд ли солдаты преследовали цель как-то подчеркнуть «свое национальное бесправие», они лишь выражали собственные эмоции. Их пугала перспектива быть похороненными в общей могиле, без мусульманских похоронных ритуалов и молитв. «...У русских на войне присутствуют священники, которые приобщают своих солдат, а у нас, мусульман, этого нет. К нам мулл не назначают, несмотря на то, что у нас больше половины солдат – мусульмане, которые умирают без муллы, и их хоронят вместе с русскими в одной могиле...», – такие письма с фронта отмечала и военная цензура Казанской губернии [15, л.85]. Другой солдат-татарин в письме от 30 сентября 1915 г. писал родным в Казань о том, что он «видел братскую могилу и, рассмотрев могилы товарищей-мусульман, вскипел гневом...» из-за поставленных на ней христианских крестов [19, л.99 об].

Вопрос о военных муллах был очень актуальным и обсуждался еще в довоенное время. Вновь вернулись к нему уже с началом войны: на Всероссийском мусульманском съезде 1914 г. было принято решение ходатайствовать об отправке по одному мулле в каждую дивизию. Но сразу обеспечить все полки военными муллами не удалось, и в 1915 г. они служили либо при штабах, либо в национальных полках. О нехватке мулл много писалось в национальной прессе. Вероятно, под влиянием этих публикаций некоторые муллы, невзирая на предоставленные льготы, уходили на фронт добровольцами.

Надо отметить, что татары служили в смешанных войсках, национальные формирования состояли, в основном, из кавказских мусульман. Например, родного брата татарского писателя Шарифа Камала – Гимади Байгильдеева с началом Первой мировой войны назначили военным ахунном Северо-Кавказского военного округа и отправили в г. Армавир, где размещались мусульманские части царской армии [31, с.295]. Штатные должности дивизионных мулл все же были введены лишь указом Николая II от 15 июля 1916 г. [9, с.197].

Генерал А.Е. Снесарев 24 сентября 1916 г. записал в дневнике свои впечатления о праздничном мусульманском богослужении на фронте, организованном дивизионным муллой: «Молились жарко, как молятся люди, соскучившиеся по молитве. Затем они выстроились возле чайной, я их поздравил с праздником, поблагодарил за службу, и мы прокричали «ура» Государю. После этого они пили чай с белым хлебом под оркестр». Отмечал также генерал и то, как мулла после окончания праздника приходил благодарить его за оказанное внимание к военнослужащим-мусульманам [14, с.125]. В 1917 г. один из татарских солдат в письме родным в Казань с благодарностью писал о пятничных молитвах и чаепитиях после них под руководством военного муллы. «Так что по пятницам у нас здесь настоящий мусульманский праздник. Государь заботится о нас и предоставляет свободное совершение нашей молитвы, несмотря на то, что мы в бою» [21].

Муллы нужны были не только для правильного выполнения похоронных обрядов, но и для поддержания боевого духа солдат (давали наставления перед боем), дисциплины и социального контроля. Например, после боя некоторые санитары и солдаты занимались тем, что шарили по карманам погибших: брали деньги и другие ценные вещи. Иногда это граничило с откровенным меркантилизмом и цинизмом, когда дело касалось не мертвых, а еще живых солдат. Так, одна из сестер милосердия писала о санитарях: «Я обратила внимание на то, что солдаты от санитаров держатся совсем в стороне, и спросила об этом солдат. Солдаты на это ответили, что они их презирают, что санитары – это хищники, грабители, что докалывают раненых и обижают их. Переносят раненых с позиций только за деньги...» [18, л.187]. «Красть – очень даже нехорошо – и грех, и расплата. Да только на войне по-иному: все чужое да легкое – какой тут грех. А уж расплаты-то хуже смерти не будет, а мы сюда на смерть и пригнаны. Вот и не плошай», – писала от лица солдата Софья Федорченко в своем скандальном сборнике «Народ на войне», выпущенном в 1917 г. [33, с.81]. По мнению О.Н. Поршневой, на поведение солдат большое влияние оказывали моральные установки (или, вернее, их отсутствие) вышестоящего начальства. Воровство и казнокрадство, широко распространенное в их среде, служило своеобразным рычагом для солдат, и они тоже позволяли себе различные вольности, не всегда сочетавшиеся с общечеловеческими ценностями, официальными законами и правилами поведения [25, с.184].

В таких условиях очень важна была роль священнослужителей, которые в своих проповедях говорили не только о гражданском долге, но и указывали на основные человеческие ценности. В письме от 25 июня 1916 г., адресованном в деревню Большая Бараза Атнинской волости Казанского уезда на имя Нигмаджана Баймратова один солдат писал как раз о наставлениях муллы: «Во время сражения у одного умершего офицера я взял очень много денег. Наш мулла сказал: «У умершего человека брать не годится, молодец! Брось это!» У него было 2 000 – и я бросил, не взял ни копейки». Нормы поведения корректировались и солдатскими суевериями.

«Мы с сыном Шипшуговского муллы вместе взяли – было, – продолжает тот же солдат, – Он взял у покойника фонарь, теперь его и самого не стало, а [я] не брал у умершего человека, так как если возьмешь, его пуля и тебе достанется» [19, л.80].

При этом, по замечанию военных цензоров, солдаты-татары были более фаталистично настроены, верили в предназначение свыше. «Письма мусульман проникнуты свойственной их религии верой в судьбу: жизнь и смерть, здоровье и болезнь, удачи и неудачи, раны или полная сохранность тела – все зависит от Бога, и человеку тут изменить ничего нельзя», – отмечалось в цензорском отчете Казанского военного округа от 16 июня 1915 г. [18, л.302 об].

Ментальный фатализм солдата-татарина не отменял его повседневных интересов, разнообразных потребностей, которые ограничивались не только едой, табаком, сном, теплой одеждой (регулярные жалобы в солдатских письмах), но и имели свои этноконфессиональные особенности. Кроме отмеченной выше просьбы о назначении военных мулл, солдаты также жаловались и на отсутствие в полку собеседников-татар, на отсутствие татарских книг и газет, на запрет говорить на родном языке (их тут же сравнивали с турками). В иноязычном мире они чувствовали себя одинокими, иногда даже изгоями.

Татары, которые недостаточно владели русским языком, не могли продвигаться по службе. Хотя подобные амбиции, конечно же, имели место. «Да еще вот татаризм мой. Хотел в школу прапорщиков – не взяли», – писал в Арск из действующей армии один из солдат. Он же жаловался на то, что в начальстве нет никого из мусульман [34, с.189]. Впрочем, при достаточной общеобразовательной подготовке и солдаты-татары могли претендовать на повышение в военном звании. Например, выходец из д. Дракино Карсунского уезда Симбирской губернии Ахмет Алимбеков, призванный в 1914 г. в армию, служил сначала в 140-м запасном пехотном полку, в 1916 г. окончил Казанскую школу прапорщиков и был зачислен в 158-й запасной пехотный полк. В советские годы он стал военным деятелем [32, с.109].

Награжденный за смелость и отвагу Георгиевским крестом подпоручик 74-й дивизии Юго-Западного фронта Хусаин Мавлютов вначале проходил обучение в Чугуевском военном училище. Он родился и вырос в бедной семье в г. Чистополе, но после медресе сумел окончить местную русскую школу. Народного учителя Х. Мавлютова призвали на фронт в 1915 г., и, как видно из его командирской биографии, немалую роль в перипетиях судьбы сыграла и довоенная учеба [6]. Таким образом, светская образованность и, в первую очередь, знание русского языка, служила одним из факторов для повышения социального статуса татарина-солдата среди однополчан. Однако не все татары-солдаты могли похвастаться достаточным уровнем образования и кругозора.

Например, к осени 1917 г. из 15,8 млн мобилизованных солдат русской армии свыше 12,8 млн человек были призваны из деревень [25, с.88]. Так как основная масса татарских призывников выросла в сельской местности, в замкнутых мусульманских общинах, им было гораздо труднее адаптироваться к новым, да еще и экстремальным условиям жизни. Любопытно, что у этих солдат из крестьянско-мещанской массы населения, которых некоторые однополчане за «татаризм» называли «турками», на самом деле было мало общего и с единоверцами, настоящими турками. В то время, когда жандармерия и военная цензура выискивала пантуркистские настроения среди мирного населения и в военных частях, многие татары попросту не могли понять турецкую речь, т. е. не могли установить самый элементарный контакт с единоверцами. Например, один татарин-солдат из Кавказской армии писал о том, он пробовал говорить с турецкими солдатами, попавшими к русским в плен, но объясниться с ними мог только мимикой, так как не понимал из их речи ни слова [19, л.71 об]. Османизмами и арабизмами пестрела речь татарского духовенства и интеллигенции – представителей, преимущественно, городской культуры. Язык татарского крестьянства был немного другим, менее засоренным иностранными словами. Собственно, и желание солдата-татарина из Кавказской армии пообщаться с турецким военнопленным, возможно, было продиктовано обыкновенной потребностью в общении на родном языке.

В целом, в царской армии отношение к любым «инородцам» было негативным, по большому счету их по умолчанию приравнивали к людям «второго» сорта. Например, командующий Казанским военным округом генерал Сандецкий давал указания о необходимости применения исключительно жестких методов относительно «инородцев». Такой подход он объяснял, в том числе, низким образовательным уровнем национальных меньшинств, не умеющих даже различать офицеров по погонам и путающихся в обращениях [11, с.173–174].

Характеризуя письма татарских солдат, осенью 1915 г. цензоры отмечали то, что в них сообщается о плачевном состоянии пленных турок и курдов и о поражении их войск, «причем никаких к ним симпатий, как к единоверцам, не выражается» [19, л.92 об]. Хотя подобные индифферентные сообщения об османской армии в письмах могли быть продиктованы соображениями собственной безопасности. Ведь солдаты прекрасно знали о чтении их писем военными цензорами. Отсутствие протурецких взглядов некоторые солдаты подтверждали и героическими поступками в боях. Например, рядовой Гильматдин Гильманов из Кавказского фронта за ожесточенную борьбу с солдатами османской армии в 1917 г. получил Георгиевские кресты 3-й и 4-й степеней. После этого он был произведен командиром полка в унтер-офицеры, а также стал героем публикации в столичном журнале «Нива» [24, с.128].

Георгиевский крест давали за боевые подвиги, в том числе захват неприятельского знамени, пленение вражеского офицера, спасение своего

знамени или командира. Награды достаивались солдаты, первыми ворвавшиеся во время штурма в крепость или на борт корабля. Георгиевским крестом гордились больше, чем любыми другими наградами [29, с.173]. Например, морской унтер-офицер Муртаза Ибрагимов 6 сентября 1916 г. во время атаки неприятельской подводной лодки сумел быстро исправить серьезное повреждение котла и тем самым спас весь экипаж корабля. За это ему присудили Георгиевский крест 4-й степени. К слову, это уже была его третья боевая награда. Ибрагимов вырос в крестьянской семье в селе Новое Надырово Бугульминского уезда Самарской губернии и начал военную службу еще в 1904 г. на флоте, участвовал в русско-японской войне, на его долю выпали сражения и Первой мировой войны. «Всегда спокойный, немного робкий, наш товарищ Муртаза в 1916 г. во время одного боя своей находчивостью спас весь экипаж от неминуемой гибели», – вспоминал о нем его сослуживец В.М. Петровский уже в советские годы [22, с.54].

Еще одной из формулировок при награждении Георгиевским крестом было и «поднятие боевого духа товарищей», например, когда солдат первым бросался в атаку. К сожалению, такого рода подвиги отмечались Георгиевским крестом уже посмертно.

Для остававшихся на фронте солдат-татар Георгиевский крест являлся не просто наградой, он служил своего рода оберегом от издевательств однополчан на национальной почве, повышал их статус в коллективе. После получения награды, вероятно, отношение к солдату-мусульманину уже было не как к инородцу и иноверцу, а как к бесстрашному воину, своей кровью и жизнью вставшего на защиту тех же идеалов, что и военнслужащие христианского вероисповедания. Рядовые, получившие Георгиевский крест 4-й степени производились в ефрейторы, а пожалованные крестом 3-й степени получали без экзаменов звание унтер-офицера [28, с.32]. «Вчера я получил Георгиевский крест. Ходили мы давно уж в разведку и сняли австрийский дозор. Обещали, обещали и вот дали. Ротный сказал, это тебе, Шакир, хоть ты и татарин, и песни петь не умеешь, знай, что за русским царем служба не пропадает. Теперь тебя бить меньше станут, – писал 15 декабря 1915 г. в город Мамадыш рядовой Шакир Фаткуллин, – Вот я и думаю. Георгиевский крест все-таки защита, а то все подзатыльники и ругань. Шакир сходи за водой, Шаки, топи печку, Шакир, сторожи. Все меня заставляют, а потому что я мусульманин. Теперь не будут» [34, с.196]. Видимо, из-за «защитных» свойств Георгиевский крест абсолютно адекватно воспринимался в качестве награды солдатами-мусульманами, хотя военное начальство от них первое время ожидало возмущений, ведь магометан награждали христианским символом [19, л.69 об].

До 1913 г. солдаты нехристианского вероисповедания получали награды, на которых вместо христианских святых был изображен двуглавый орел – государственный герб. Но в 1913 г. было принято решение о едином Георгиевском кресте для солдат всех конфессий [10, с.170]. Из-за этого нововведения среди солдат и беспокоились высшие воинские чины.

Но в военных условиях, похоже, солдаты мало обращали внимания на религиозную или иную символику. Особенно, когда дело касалось не похоронных обрядов, а простых жизненных ситуаций. Например, на фронте были распространены издательские шаблоны солдатских писем, где содержались стандартные предложения о состоянии здоровья, приветствия и т. п. Помимо текста в них помещались и различные рисунки, в том числе и иконы [1, с.134]. Некоторые солдаты-мусульмане отправляли письма своим родным и на таких бланках.

Первая мировая война кардинально отличалась от прежних военных кампаний. Здесь применялась новейшая техника. Пулеметные очереди на земле сменялись воздушными атаками с неба. К слову, были летчики и из татар. С 1916 и до октября 1917 г. служил в воздухоплавательном отряде в Петрограде и воевал на Западном фронте в качестве летчика Абдулла Арифуллович Резепов. В партийном архиве, к сожалению, сохранились лишь скудные данные о его довоенной жизни. В его анкете указано, что он окончил 4 класса гимназии в Москве, но его родные проживали в с. Гурьевка Симбирской губернии (где находились Акчуриные суконные фабрики), а в качестве профессии значится «шофер». Вероятно, именно из-за такой подготовки Абдулла Резепова и отобрали в воздухоплавательный отряд. Его жизнь рано оборвалась в годы Гражданской войны [35].

Во время Первой мировой войны впервые было применено химическое оружие. Все это обескураживало не только тех, кто оказался на фронте первый раз, но и тех солдат, которые уже побывали на русско-японской войне. Воины неохотно делились в своих письмах, адресованных родным, ходом боевых действий. Обращает на себя внимание то, что войну они воспринимали, прежде всего, через слух. В письмах и байтах говорится не об увиденных ужасах, о ранениях товарищей и внешнем виде военной техники, а чаще всего описывается грохот, шум, т. е. звуковой фон войны. Очевидно, звуковой контраст особенно остро ощущался выходцами из сел и деревень, привыкших к тишине и природным звукам: шелесту листвы, журчанию воды, пению птиц. «От грома пушек мы уже ушами не слышим и остались совсем без ума», – писал в декабре 1914 г. некий солдат Богаутдинов [34, с.187]. «Это не бой, а ад. Никто ничего не слышит, шум, крики, ржание коней – сольется все вместе, и получается что-то невообразимое», – описывал свои впечатления после боя в письме брату рядовой 480-го пехотного Данилевского полка Гарей, выходец из Атнинской волости Казанского уезда в 1916 г. [30, с.180]. О боях и вообще о военной обстановке солдаты делились чаще всего в письмах, адресованных братьям или другим родственникам мужского пола. Вероятно, родителей, жен и сестер оберегали от такого рода откровений. «В мирное время тужил все время, беспокоился. Если бы я тебе написал, что я видел и пережил, то ты удивился бы, пришел бы в ужас, – писал в г. Илецк Оренбургской губернии Галиулле Муратову 28 мая 1915 г. не-

известный солдат-татарин. – Знаешь, здесь, как во время молотьбы падают барабаном снопы – так и здесь только знают, из тыла в бой гоняют, вот как, дружок, здесь. Если от нас за 80 и 100 верст идет бой, то нам слышно все, как гудок, а ночью видно, как молния» [34, с.189]. Показательно, что лирический герой стихотворения Нажипа Думави «Впечатления войны» мечтает о тишине. Произведение впервые было опубликовано в журнале «Аң» в конце 1916 г. Если свой визуальный опыт – потерю рук и ног – поэт обозначает схематично, то звуки винтовок, пулеметов и бомб переданы через образ неумолкающего ворона, а боль потери выражена, в первую очередь, через плач ребенка [37, с.145–146].

Растерянность, страх первых месяцев боевых действий вскоре сменились другими эмоциями: человек постепенно привыкал к обстановке, притуплялось и чувство страха. Об этих переменах сообщали сами солдаты в письмах, подмечали это и другие сторонние наблюдатели. Студент, будущий ученый Гали Рахим, побывавший в конце 1914 г. среди раненых мусульман в московских госпиталях, указывал на то, насколько обыденной стала для них война, о пулях или шрапнелях солдаты рассуждали так, будто речь шла о жатве или посевах. «Удивительное дело эти пули: кружатся возле тебя целыми роями, подобно мухам и комарам в летнюю пору; не хотят вредить – так не вредят. Да и не боишься особенно: защитишь лицо лопатой и знай бежать», – говорили они. В таком же духе раненые спорили о пулеметах и винтовках» [8, с.857–862].

Солдаты Первой мировой войны хоть и пытались воевать методами прошлых столетий: убивать противников в ближнем бою со штыками и криками «ура», но все же новейшая техника диктовала другие приемы ведения боя. И долгие сидения в окопах, на позициях, стало, пожалуй, основной характерной чертой этой великой войны. Выжидание врага в окопах были сопряжено с разными трудностями: и голодом, и холодом. Анти-санитарные условия существования способствовали распространению различных заболеваний. В одном из поздних рассказов М.Гали, датированных уже 1930-ми гг., приводится эпизод о полевой бане в зимнее время, после мытья в которой некоторые солдаты слегли уже с простудными заболеваниями. В целом, солдаты очень часто жаловались на грязь, на отсутствие бани, на появившихся вшей. «Главное – пока я гарантирован от паразитов, чего, ты знаешь, я ужасно боюсь», – сообщал последние новости из госпиталя Исхак Казаков в письме к супруге осенью 1916 г. [12].

Педикулез (вши) стал одним из основных напастей солдат Первой мировой войны. Долгое пребывание в одних и тех же окопах и землянках, несоблюдение санитарно-гигиенических норм приводили к тому, что паразиты обживали позиции вместе с военнослужащими. Из-за них возникали вспышки сыпного тифа и других инфекций. Помимо физиологических неудобств, вши негативно действовали на психику солдат [29, с.95]. «Как попали сюда, с тех пор бани не видели. Рубах и штанов не имеем, совсем обовшивели. Вши выползают даже наружу. Через два месяца мы никуда

годиться не будем, денег ничего не осталось. Дела наши весьма плохи, мы, как арестанты, лучше бы умереть, скорее на позиции», – жаловался в письме казанцу Губайдулле Сайфуллину неизвестный солдат из 140-го пехотного запасного батальона [34, с.193].

Основными заразными заболеваниями в годы Первой мировой войны стали тиф (брюшной, сыпной, возвратный), холера, дизентерия, оспа. Больше всего солдаты болели разными видами тифа. Возбудителями сыпного и возвратного тифа являлись как раз насекомые (вши), а брюшной тиф передавался, в основном, через продукты питания. Смертность чаще всего наступала от сыпного тифа. Высокая смертность наблюдалась и среди больных холерой (33,1%). Заболевших оспой было сравнительно немного и люди, как правило, выздоравливали. Помимо инфекций, достаточно высоким был процент тех, кто страдал цингой: 93,2 человека на 1 000 солдат. Смертность составляла 0,2% [27, с.99]. Хотя и жаловались солдаты-татары в письмах и баитах на преобладание в рационе капусты, но, видимо, ее было все равно недостаточно. Картофель тогда тоже не получил широкого распространения. Поэтому небогатая на витамин С фронтовая пища, стесненные условия жизни, скопление большой массы людей в одном месте и способствовали появлению цинги у солдат.

Болезни и ранения, с одной стороны, доставляли массу физиологических неудобств, но, с другой, давали возможность солдату пожить мирной жизнью, в спокойных условиях госпиталей и лазаретов. Именно оттуда они чаще всего писали пространные письма родным и близким, записывали свои баиты, проводили время за беседами. В отличие от войсковых частей в госпиталях было больше вероятности встретить своего единоверца. Например, «мы, мусульмане, живем дружно, как одна семья – у кого что есть, кушаем вместе, другие завидуют нам», – писал Балимзан Сибалхалгулов родственникам в Уфу из действующей армии [34, с.189]. Но не все солдаты-татары могли похвастаться такими товарищами, бывало так, что вокруг не было ни одного человека, понимавшего татарскую речь. Этот недостаток общения в какой-то мере компенсировался во время лечения. «Везде раненые мусульмане очень любят, когда к ним приходят навещать их другие мусульмане. Так как для них видеть нового человека – уже большое событие, они с большой радостью рассказывают о своих впечатлениях и пережитых случаях. Как только узнают, что пришел к ним посторонний человек, так тотчас же мусульмане один за другим окружают его, здороваются с ним за руку, благодарят за то, что «он их не забыл и пришел», – такими запомнил раненых мусульман московского госпиталя студент Гали Рахим. – Среди них можно видеть мусульман со всех сторон: какими-то знакомыми, где-то виденными кажутся широколицые башкирцы Уфимской губернии, сухопарые мужики Казанской губернии с рыжими бородами и глубокоглазые татарские парни. Остается только надеть на головы залоснившийся «каляпуш», на плечи – такие же камзолы да обувь еще в белые чулки и лапти» [8, с.859].

Госпиталь был своеобразным мостом между войной и той, прежней жизнью. После медицинского освидетельствования некоторые получали либо отсрочку на некоторое время, либо вовсе отправлялись домой навсегда. К сожалению, уровень медицинской помощи был довольно низким, и многим солдатам приходилось ампутировать ноги или руки. «Деревянная нога» вернувшегося с фронта солдата стала наиболее частым символом ужасов войны в татарской художественной литературе. Например, у Нажиба Думави есть рассказ «Агач аяк» («Деревянная нога»). Но даже такое возвращение в качестве инвалида было радостным событием для человека, который после окопов оказывался дома, среди родных и близких.

Если необходимость прежних войн в глазах простого солдата была понятной и неоспоримой, то Первая мировая война была лишена подобной смысловой нагрузки. Пожелания о скорейшем мире присутствовали в письмах татарских солдат с самых первых месяцев войны. Причем, если из еженедельных 600–900 писем, прочитанных военным цензором, в начале войны эти пожелания имелись в 1–2% писем, то уже к 1915 г. в разные месяцы такие мысли выражали до 8% солдат. В дальнейшем, особенно в 1917 г., преобладали уже пацифистские настроения. «Мы каждый день ждем мира и даже видим его во сне, его ждет, мне кажется, не только мы, но и весь мир. Война всем надоела», – писал солдат А.Хамидуллин в Оренбургскую губернию [20, л.76]. Другой его земляк в письме, адресованном Абудяру Авганбаеву в Преображенский завод той же губернии, отмечал, что 20 мая 1917 г. войскам был дан приказ о наступлении, а солдаты отказывались следовать приказу. Цензором эти строки были заштрихованы [20, л.148 об].

Настроения населения о малопонятных причинах войны нашли отражение и в байтах. «Бу сугыштан файда юктыр күзгә күренгән бер дә, / Шуның өчен мин язамын мәгълүм булсын дип сезгә» (От этой войны нет никакой видимой пользы, / поэтому пишу об этом вам, чтобы знали и вы), – чаще всего преобладали оценки такого рода [39, с.77]. «По газетам не верьте, а то у Вас и так представление о войне неправильное. Газеты же – одно вранье», – сообщал в письме, адресованном в Казань, пулеметчик Байрамгалей [34, с.193]. Очевидно, это письмо было написано уже на завершающем этапе войны. Вообще, влияние фронтовых писем и рассказов солдат, вернувшихся домой, на настроение тылового населения было огромным. Между тем, и письма родных и близких с описаниями дороговизны жизни и наступивших трудностей повседневного быта тоже негативно действовали на боевой дух. Например, «Пиши то, что имеете, краски не сгущай, мне и так тяжело», – предупреждал свою супругу Исхак Казаков в письме от 18 сентября 1916 г. [12].

Солдатские письма часто были пронизаны определенной безысходностью и чувством обреченности. И этот фатализм, ожидание неминуемой смерти, присутствовал даже в письмах с тыла, из запасных частей. «Когда-то XX век считали счастливым веком в истории человечества, оказывает-

ся, мы ошиблись, – писал сын муллы, рядовой 109-го запасного пехотного батальона Сулейман Аюханов из Челябинска в 1915 году. – Никогда не случавшиеся ужасы в истории человечества творятся в жизни несчастных нас, в нашем веке. Выходит, что этот век – один из самых несчастнейших веков существования человечества. Слишком грустно, что сам творец отрезает наши крылья, готовых вспорхнуть и скоро улететь» [5]. В это время Аюханов готовился к отправке в действующую армию.

Таким образом, фронтовая жизнь солдат-татар была сопряжена с теми же бытовыми трудностями, что и жизнь военнослужащих других этносов и конфессий: их волновало качество или нехватка еды, теплых вещей, они уставали физически и морально, умирали от ран и болезней, терпели унижения со стороны вышестоящего начальства.

Пребывание в смешанных войсках и малочисленность солдат-татар в некоторых частях создавали для них ряд проблем. Недостаточное знание русского языка, другая вера ограничивали коммуникативные возможности инородцев. Дело усложнялось и малограмотностью некоторых русских солдат. Например, «зачастую солдаты-крестьяне не знали, какого вероисповедания противник, а узнав, что немцы – христиане, приходили в полное недоумение, – пишет О.С. Поршнева, – так как это расходилось с их представлениями о «враге-басурмане», «нехристе» [26, с.62]. Конечно, подобные ментальные установки могли экстраполироваться и на татар-мусульман.

Удручало татарских солдат и отсутствие военных мулл, которые могли бы похоронить погибших военнослужащих-единоверцев по мусульманским канонам и дать необходимые духовные наставления живым. Но эти проблемы были характерны в большей степени для первых военных лет и связаны с неподготовленностью государства к войне такого масштаба, мобилизовавшей в армейские ряды миллионы солдат разных конфессий.

В связи с этим так называемый «татаризм» можно обозначить как дискриминацию по национальному признаку, обостренную к тому же с вступлением родственных тюрков Османской империи в противоположном военном лагере. Однако продвижение по военной службе ряда образованных татар, владевших русским языком, дает основание утверждать, что такого рода притеснения носили, в большей степени, социальный характер.

В целом, унижения нижних чинов офицерами были характерны для всех армий. По замечанию Е.С. Сенявской, «свой вклад в дестабилизацию армии вносило и рукоприкладство офицеров с примесью садистской жестокости». У солдат из-за этого сложился устойчивый образ «злого начальника» [13, с.535]. К слову, в татарских письмах к жалобам на жестокость начальства присовокуплялось и то, что в их среде практически нет офицеров-мусульман. На самом деле, в российской армии на тот момент было незначительное количество офицеров-мусульман (в том числе генералы), но они, в основном, принадлежали к польским татарам. Очевидно, именно

конфессиональными различиями солдаты пытались объяснить существующую социальную дискриминацию.

Безусловно, изначальные данные (религия, нация, сословие, место проживания до призыва) имели значение при вхождении в коллектив, но позднее, благодаря личным качествам, солдат занимал определенное место среди сослуживцев и повышал свой статус в ходе прохождения службы, в том числе и официально, получая новые воинские звания. Одним из существенных факторов для повышения социального престижа солдата-мусульманина являлся Георгиевский крест – официальное подтверждение боевой доблести военнослужащего. Среди татар было немало тех, кто заслужил эту награду за свои подвиги на полях сражений. Во время боевых действий проявлялись истинные качества человека и, конечно, после окопных сидений и ближних боев между солдатами устанавливались совершенно иные взаимоотношения. На основе анализа писем и других документов нельзя сказать, что среди солдат Первой мировой войны царил межнациональная дружба, как например, в годы Великой Отечественной войны. Если в полку было несколько татар или мусульман, они объединялись, прежде всего, в собственные малые группы и в какой-то степени отгораживались от остального солдатского мира. Но по ряду признаков можно проследить, что и между нижними чинами разных вероисповеданий была взаимопомощь. Например, цензоры в 1915 г. отмечали и такие странные письма: на татарском языке, но написанные кириллицей. Встречались и татарские письма, написанные полностью на русском языке, с припиской, что в полку некому писать на татарском языке [19, л.88].

Такого рода сближение было естественным, ведь и русские солдаты, и инородцы, в том числе татары, воевали за общую цель, испытывали одинаковые тяготы фронтовой жизни. Несмотря на то, что татар порой упрекали в туркофильстве, в менее ярком проявлении своих патриотических чувств, они оставались российскими мусульманами, преданными своему Отечеству, готовые кровью и жизнью защищать интересы собственной страны. Скучное выражение чувств любви и преданности Родине в частных письмах родным и близким, полных повседневных тревог и забот, объяснялось, прежде всего, свойственной менталитету татар эмоциональной сдержанностью. А патриотизм татарских солдат проявлялся, в первую очередь, в том героизме, который они демонстрировали на полях сражений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амерханова Э. Издательские шаблоны писем солдат Первой мировой войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. №1/2. С. 133–142.
2. Армеев В. Щи да каша – пища наша. Этюд о военно-полевой кухне // Родина. 2007. №3. С. 101–103.
3. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Казань: Иман, 2002. 190 с.

4. Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика в начале XX века. Изд. 2-е, доп. Казань: Татар. книжн. изд-во, 1983. 350 с.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.176.
6. Гришин Я., Мэнди С. Волевой командир с твердым характером (Х.Б.Мавлютов) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2011. №3/4. С. 173–176.
7. Давлетбаев Б.С. Большая Ока. История села. Уфа: Акционерный торговый дом «Восток», 1992. 191 с.
8. Инеродческое обозрение. Кн.11-я. Июнь, 1915. Казань, 1915.
9. История татар с древнейших времен. В 7 томах. Т.VII / под ред. Р.Р. Салихова. Казань, 2013. 1007 с.
10. Исхаков С.М. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917). Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М.: Вост. лит., 2003. С. 245–280.
11. Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 272 с.
12. Хузеева Л. Мне нужна только свобода и свобода... Письма И.Казакова с фронта, адресованные Н.Казаковой // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. №1/2. С. 104–107.
13. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1. М.: Наука, 2005. 685 с.
14. Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи. Сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / Сост. Х.М. Абдуллин. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 148 с.
15. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.1. Оп.6. Д.949.
16. НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.163.
17. НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.252. Л. 231об., 280.
18. НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.2.
19. НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35.
20. НА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.334.
21. НА РТ. Ф.1155. Оп.1. Д.7. Л.42об.
22. Новое Надырово: Древняя столица края. Казань: Рухият, 2010. 288 с.
23. Покровский М.Н. Империалистская война. 1915–1930. Изд. 3-е. М.: Либроком, 2009. 340 с.
24. Полковник Г.П. Герой-татарин // Нива. 1917. №8. С.128.
25. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
26. Поршнева О.С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Социальная история. Ежегодник, 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С. 57–86.
27. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М: Центральное статистическое управление, 1925. 103 с.
28. Сведения, обязательные рядовому. Уфа: Печатня т-го дома Н.К. Блохин и К., 1916.
29. Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М.: РГГУ, 2012. 332 с.

Габдрафикова Л.Р. Первая мировая война глазами татарских солдат

30. Шарангина Н. Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье (Солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. №3/4. С. 181–182.
31. Субаев Н. Два брата – две судьбы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. №3/4. С. 294–297.
32. Татарская энциклопедия. Т.1. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002.
33. Федорченко С. Народ на войне. СПб.: Издательская группа «Лениздат», 2012. 448 с.
34. Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Отв. ред. М. Вольфович, Е. Медведева. Казань: Татиздат, 1932. 239 с.
35. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф.30. Оп.3. Д.2337. Л.14, 19.
36. ЦГАИПД РТ. Ф.36. Оп.2. Д.10. Л.14.
37. Думави Н. Тормыш сәхифәләре: шигъри әсәрләр һәм проза. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1985. 384 б.
38. Ибраһимова Ф. Фажигале язмыш // Казан утлары. 1996. №2. С. 188–196.
39. Татар халык ижады. Бәетләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1983. 352 б.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

THE FIRST WORLD WAR THROUGH THE EYES OF TATAR SOLDIERS

L.R. Gabdrāfikova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru*

The article presents the everyday lives of Tatar soldiers during World War I. Analysis was conducted using a wide range of sources: soldiers' letters, folklore, literary works by soldiers-writers and publications in the press, as well as official documents. In the Russian Empire, the Tatar people were considered as a national minority. Tatar soldiers Due to their religion and language, Tatar soldiers were distinguished from the larger the army. The study reviewed the attitudes the Tatar soldiers towards the difficulties of military life, their mentality, religious issues, and relationships in a small group.

Keywords: everyday life history, Kazan Province, Orenburg Province, military historical anthropology, Muslims, soldiers' letters, Tatar folklore, Tatar literature, Tatars, World War I

REFERENCES

1. Amerkhanova E. Izdatel'skie shablony pisem soldat Pervoj mirovoj vojny [Publishing Templates of Letters of Soldiers in the First World War]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2014, no.1/2, pp.133–142. (In Russian)
2. Armeev V. Shchi da kasha – pishcha pischa nasha. Etjud o voenno-polevoj kukhne [Cabbage Soup and Porridge are Our Food. Study of the Military Field Kitchen]. *Rodina*, 2007, no.3, pp.101–103. (In Russian)
3. Arsharuni A., Gabidullin H. *Ocherki panislamizma i pantjurkizma v Rossii* [Sketches of pan-Islamism and pan-Turkism in Russia]. Kazan, Iman Publ., 2002. 190 p. (In Russian)
4. Gajnullin M. *Tatarskaja literatura i publitsistika v nachale XX veka* [Tatar Literature and Journalism at the Beginning of the Twentieth Century]. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1983. 350 p. (In Russian)
5. *Gosudarstvennyj arkhiv Orenburgskoj oblasti* (GAOO) [State Archive of the Orenburg Oblast]. F.21. Op.9. D.4. L.176. (In Russian)
6. Grishin Ja., Mjendi S. Volevoj komandir s tverdym kharakterom (Kh.B. Mavljutov) [Willful Commander with a Strong Character (Kh.B. Mavlyutov)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2011, no.3/4, pp.173–176. (In Russian)
7. Davletbaev B.S. *Bol'shaja Oka. Istorija sela* [Bol'shaja Oka. History of the Village]. Ufa, Aktsionernyyi trgovyy dom Vostok Publ., 1992. 191 p. (In Russian)
8. *Inorodcheskoe obozrenie* [Non-Russian Review]. Vol. 11, 1915, June. Kazan, 1915. (In Russian)
9. *Istorija tatar s drevnejshikh vremen. v 7 tomakh* [The History of Tatars Since Antiquity in Seven Volumes]. Vol. 7. Ed. by R.R. Salikhov. Kazan, 2013. 1007 p. (In Russian)
10. Iskhakov S.M. Tjurki-musul'mane v rossijskoj armii (1914–1917) [Muslim Turks in the Russian Army (1914–1917)]. *Tjurkologicheskij sbornik. 2002: Rossija i tjurkskij mir* [Turkological collection. 2002: Russia and the Turkic world]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2003. pp. 245–280. (In Russian)
11. Kazantsev A.A. *Dinamika massovykh nastroenij v rossijskoj provintsii v period Pervoj mirovoj vojny: na primere Penzenskoj, Samarskoj i Simbirskoj gubernij. Diss. kand. ist. nauk* [The Dynamics of Mass Moods in the Russian Provinces During the First World War: The Example of Penza, Samara and Simbirsk Provinces. Candidate of Historical Sciences Diss.]. Penza, 2005. 272 p. (In Russian)
12. Khuzeeva L. Mne nuzhna tol'ko svoboda i svoboda...Pis'ma I. Kazakova s fronta, adresovannye N. Kazakovej [I need only freedom and freedom...I. Kazakov's Letters from the Front, Addressed to N. Kazakova]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2002, no.1/2, pp. 104–107. (In Russian)
13. *Mirovye vojny XX veka: v 4 knigakh* [The World Wars of the Twentieth Century: In Four Books]. Kniga 1. Moscow, Nauka Publ., 2005. 685 p. (In Russian)
14. *Musul'mane i musul'manskoe dukhovenstvo v voennom vedomstve Rossijskoj imperii. Sbornik zakonodatel'nykh aktov, normativno-pravovykh dokumentov i materialov* [Muslims and Muslim Clergy in the Military Department of the Russian

- Empire. Collection of Legislative Acts, Legal Documents and Materials]. Ed. by Kh.M. Abdullin. Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2009. 148 p. (In Russian)
15. *Natsional'nyj arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT)* [National Archive of the Republic of Tatarstan]. F.1. Op.6. D.949. (In Russian)
 16. *NA RT*. F.1. Op.4. D.6188. L.163. (In Russian)
 17. *NA RT*. F.420. Op.1. D.252. L. 231ob., 280. (In Russian)
 18. *NA RT*. F.1154. Op.1. D.2. (In Russian)
 19. *NA RT*. F.1154. Op.1. D.35. (In Russian)
 20. *NA RT*. F.1154. Op.1. D.334. (In Russian)
 21. *NA RT*. F.1155. Op.1. D.7. L.42ob. (In Russian)
 22. *Novoe Nadyrovo: Drevnjaja stolitsa kraja* [Novoe Nadyrovo. Ancient Capital of the Region]. Kazan, Ruhiyat Publ., 2010. 288 p. (In Russian)
 23. Pokrovskij M.N. *Imperialistskaja vojna. 1915–1930*. [The Imperialist War. 1915–1930]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 340 p. (In Russian)
 24. Polkovnik G.P. Geroj-tatarin [The Hero-Tatar]. *Niva*. 1917, no.8, p.128. (In Russian)
 25. Porshneva O.S. *Krest'jane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny* [Peasants, Workers, and Soldiers of Russia on the Eve and During the First World War]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 368 p. (In Russian)
 26. Porshneva O.S. *Sotsial'noe povedenie rossijskogo krest'janstva v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.)* [The Social Behavior of the Russian Peasantry in the First World War (1914–February 1917)]. *Sotsial'naja istorija. Ezhegodnik*, 2000. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. pp.57–86. (In Russian)
 27. *Rossija v mirovoj vojne 1914–1918 goda (v tsifrakh)* [Russia in the World War 1914–1918 year (Numerically)]. Moscow, Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie Publ., 1925. 103 p. (In Russian)
 28. *Svedenija objazatel'nye rjadovomu* [Obligatory Information to the Rank and File]. Ufa, Pechatnja tipograficheskogo doma N.K. Blokhin i K., 1916. (In Russian)
 29. Senjavskaja E.S. *Istorija vojn Rossii XX veka v chelovecheskom izmerenii. Problemy voenno-istoricheskoi antropologii i psikhologii* [The History of Russian Wars of the Twentieth Century in Human Dimensions. Questions of Military-Historical Anthropology and Psychology]. Moscow, RGGU Publ., 2012. 332 p. (In Russian)
 30. Sharangina N. *Soldaty smotryat na vojnu kak na ogromnoe neschast'e (Soldatskie pis'ma s frontov Pervoj mirovoj vojny)* [Soldiers Perceive War as a Great Misfortune (Soldiers' Letters from First World War Fronts)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1998, no.3/4, pp.181–182. (In Russian)
 31. Subaev N. *Dva brata – dve sud'by* [Two Brothers–Two Destinies]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1998, no.3/4, pp.294–297. (In Russian)
 32. *Tatarskaja entsiklopedija* [The Tatar Encyclopedia]. Vol. 1. Kazan, Institut Tatarskoj entsiklopedii Publ., 2002. (In Russian)
 33. Fedorchenko S. *Narod na vojne* [People at War]. Saint Petersburg, Lenizdat, 2012. 448 p. (In Russian)
 34. *Tsarskaja armija v period mirovoj vojny i fevral'skoj revoljutsii (materialy k izucheniju istorii imperialisticheskoi i grazhdanskoj vojny)* [The Tsarist Army During First World War and the February Revolution (Materials for Studying the History of the Imperialist and Civil War)]. Ed. M. Vol'fovich, E. Medvedeva. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1932. 239 p. (In Russian)

35. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv istoriko-politicheskoy dokumentatsii Respubliki Tatarstan (CGAIPD RT)* [Central State Archives of the Republic of Tatarstan (Historical and Political Documents)]. F.30. Op.3. D.2337. L.14, 19. (In Russian)
36. *CGAIPD RT*. F.36. Op.2. D.10. L.14. (In Russ)
37. Dumavi N. *Tormysh səhifələre* [Lifetime of Memories]. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1985. 384 p. (in Tatar)
38. Ibrahimova F. Fəjigale jazмыш [Terrible Fate]. *Kazan utlary*, 1996, no.2, pp.188–196. (in Tatar)
39. *Tatar halyk işçady* [Tatar Folk Art]. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1983. 352 p. (in Tatar)

About the author: Liliya R. Gabdrafikova is a Doctor of Science (History), Chief Research Fellow in the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Entrance 5, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); bahetem@mail.ru